

В ПЕРВЫЕ

Я подходил к тридцатилетнему рубежу — к тому возрасту, когда спортсмена принято считать перспективным. В соревнованиях по ориентированию на родной земле было уже довольно много побед, но попробовать свои силы за границей все не удавалось, и я подумывал с грустью, что и не удастся. Как вдруг железный занавес слегка приподнялся, и мы, группа из трех человек: Григорий Усыскин (руководитель), Дмитрий Максимчук и я, впервые оказались за границей, в Польше. Планировалось наше участие в Общепольском походе (Огульно-польский райд) и в открытом первенстве страны по ориентированию. Стояло жаркое лето 1961 года. По-моему, это был первый выезд российских ориентировщиков за рубеж, и нам, ленинградцам, впервые довелось попробовать свои силы на "иностранной" земле. А надо сказать, что мои товарищи по команде были постарше меня. Дима был заведующим отделом туризма и краеведения во Дворце пионеров. На такой работе мыш не накачаешь, у него уже наматился животик.

Нас настраивали на то, что поляки недружелюбно относятся к русским, памятью наши сложные исторические отношения. Мы с самого начала готовились только к спортивной борьбе. Но "райд" проходил шумно и весело, с кострами, с песнями. Нас подключили к группе, которую вела рослая статная женщина — Джута. Переводчицей была изящная лукавая Магда. А еще в группе были две красавицы: Данка и Агнешка — блондинка и брюнетка. Правда, их бергли, как национальное достояние, днем от них ни на шаг не отходили их молодые "охранники".

Мне кажется, что отношения с людьми другой страны прежде всего зависят от твоего поведения. Показателем являются дети. На стоянках они облепляли нас и старались все сделать за нас — и палатку поставить, и еду приготовить. Мы же не имели ни минуты покоя: каждого из нас кто-то о чем-то расспрашивал. Бедная Магда металась от одной группы к другой. Общение было столь интенсивным, что мы вскоре неожиданно и для себя, и для других заговорили по-польски.

В то время я — начинающий бард еще не умел играть на гитаре и не специализировался на исполнении своих песен. Пел все, что пелось без какого-либо аккомпанемента: свои песни — "Прощальный марш", "Семеро парней", "Шрам на роже" (авторская песня, возможно, впервые звучала за рубежом) и, конечно, все новинки песенной эстрады. Полякам нравились "раздзекские" песни, и особенно одна, только что прозвучавшая у нас в эфире:

Утки все парами, как с волной волна.

Все девчата с парнями, только я одна

Все ждала и верила сердцу вопреки:

Мы с тобой два берега у одной реки...

Ее приходилось петь по десять раз в день, спрятав подальше свое авторское самолюбие. Подходил, например, какой-нибудь парнишка и говорил:

— Заспите, для пани, пожалуйста, — показывая на очередное прелестное создание с лучистыми глазами, и я пел.

Мы шли в направлении от Варшавы к Люблину. По мере нашего продвижения в "райд" включались все новые и новые группы.

Под Люблином, вблизи поселка Воздвиженец дело, наконец, дошло до соревнований. В них приняло участие большое количество команд: от всех польских воеводств, команда из Германской Демократической Республики и наша — ленинградская. Состав команды — три человека, груз — обязательный набор туристско-

го обихода. Момент старта определялся выдачей карты с помеченными на ней контрольными пунктами спортивного маршрута.

Общих правил соревнований по ориентированию тогда не существовало. Что ни соревнования, то какие-то особенности, держи ухо востро!

Первой особенностью этих состязаний было то, что соревноваться надо было не на скорость прохождения маршрута, а на равномерность хода: пять километров в час. Прощалось отклонение от графика на десять минут в любую сторону. Далее за минуту отклонения начислялось одно штрафное очко: ориентирование-ралли. В таких соревнованиях мы еще не участвовали, и, по-моему, они проводились тогда только в Польше. Для нашей великовозрастной группы с хорошим умением ориентироваться это правило было на руку.

Второй особенностью являлось отсутствие на карте пометки старта и финиша. Получив карту, надо было сориентироваться по окружающей местности и самому поставить точку старта на карте. К карте прилагалась записка, что финиш находится от старта по такому-то азимуту на таком-то расстоянии. Так что если неправильно определишь место старта, то на финиш никогда не попадешь.

И, наконец, в-третьих, на одном из контрольных пунктов предусматривался обязательный десятиминутный отдых. И мы никак не могли взять в толк: входят эти десять минут во временный график или нет? Решили прийти на финиш на десять минут раньше — секунда в секунду: в этом случае мы при любых условиях не выходили за пределы штрафной зоны.

Наш гид — Джута и наша переводчица — Магда впервые с удивлением увидели нас озабоченными. А мы-то помнили, что приехали на соревнования, а не на прогулку. На первые зарубежные соревнования.

Прокурор города Люблина, который шел с нами в одной походной группе, отозвал меня в сторону и заговорщицки сказал:

— Я привяжу белый платок к своему рюкзаку, иди за мной, не заблудишься. — Прокурор, а добрый человек!

Итак, ранним утром мы взяли старт со ступенек еще закрытого сельского ресторана.

Определить место старта не составляло труда: он находился у перекрестка дорог рядом с крохотным прудом, вокруг которого сидели сонные рыбаки с удочками.

Магда, показывая на них и посмеиваясь, изобразила диалог:

— Рыбак, рыбак, ты мыло взял?

— Зачем?

— Чтоб руки помыть, когда дерьмо поймаешь. В приложенной записке сообщалось: "Финиш расположен от места старта на расстоянии 5,4 км, азимут — 74 град.". Оказалось, место тоже характерное, вблизи поселка.

Я был капитаном команды. Выданная карта представляла собой невразумительную копию, на которой средства обозначения предметов местности были отличными от наших карт. Я похолодел, когда узнал: то, что на наших картах обозначает проселочные дороги, то на польских обозначало границы районов. Мы почти собрались бежать по ним!

Приняли простую тактику: бежим легкой рысцой, конечно же, сверяясь по карте с местностью. За полкилометра до контрольного пункта отдыхаем, на КП приходим секунда в секунду в соответствии с установленным графиком. Местность интересная, открытые всхолмленные места чередуются с темными массивами леса. Карта плохая, но ориентироваться легко: все КП бесхитростно расположены у явно выраженных в карте и на местности ориентиров. Порывы Димы приходилось сдерживать, раскрасневшийся Гриша на дистанции не проронил ни слова, но не отстал ни на шаг.

Обязательная десятиминутная остановка была на контрольном пункте, расположенном рядом

с однодомным хутором. Только мы собрались продолжить маршрут после отдыха, как вдруг появилась хозяйка дома с подносом деревянных яств: молоко, сыр, яйца. И все горячее. И бежать надо, и хозяйку обидеть нельзя, она ведь приготовила все это за те десять минут, которые мы отдыхали. И голова у нее повязана платком, как у наших родных сельских женщин. Ее появление, как привет нашей хлебосольной Родины. Обжигаясь, лили молоко, ели теплый сыр, разламывающийся в руках, яйца дожевывали на ходу. А говорят, что поляки нас не любят. Нас не любят политики, а не поляки! Финишировали мы, как задумали.

Долго не было немецкой команды. Руководство серьезно обеспокоилось. Соревнования проходили у юго-восточной границы Польши, вблизи с нашими Карпатами, где фашисты особенно свирепствовали.

Команда доброго прокурора заблудилась. Вскоре после финиша ко мне подошел главный судья соревнований — типичный поляк: статный, смуглый, с усами. Пожав мне руку, он поздравил нас с победой, с первым местом. Был он подчеркнуто вежлив, как бы при исполнении долга, не более того. Больше мы его не видели. Когда дело дошло до награждения, оказалось, что у нас одно штрафное очко, и мы заняли второе почетное место.

Руководство соревнованиями понять можно: как же так, столько польских команд с молодыми ребятами, с прекрасными картами, и вдруг побеждают какие-то веселые переростки из России? Так впервые на моих глазах политика вмешалась в спорт. Надо отдать должное порядочности и мужеству главного судьи, имени которого мы и не запомнили, не запомнили. Зато призы мы могли выбирать любые. Директор местного пивоваренного завода презентовал нам бочонок пива. Кстати говоря, я впервые попробовал там пиво с сиропом — вкусно!

В городе Люблине нашу группу пригласили на радиопроцент с тем, чтобы мы поделились своими впечатлениями о походе, о соревнованиях. Поляки убеждены и всемерно поддерживают мнение, что их женщины — самые красивые в Европе. Вопрос: "А как вам наши девушки — понравились?" — мы слышали не раз и на официальных встречах, и в частных беседах. Прозвучал он, в конце концов, и здесь. С таким вопросом ведущий передачу обратился к нашему руководителю — Григорию Усыскину. А тот — хороший человек, намекая на мою кратковременную отлучку с Джутой, сказал:

— Спросите лучше у Бориса. Микрофон был поднесен ко мне, и я воскликнул:

— Да! — И хотел патристично добавить: — Но наши — красивее!

Однако в микрофон уже лились комментарии к моему восклицанию. Так я впервые понял, как можно исказить высказывание, не изменяя его. Однако особой обиды в тот момент я не испытывал, так как в беседе принимало участие довольно большое количество действительно симпатичных полячек, знакомых и незнакомых. В конце передачи они попросили меня спеть "Утки все парами...". Это было, наверно, мое первое сольное выступление по радио, а что касается того, что без музыкального сопровождения, — так единственное.

Не успела песня отзвучать, как кто-то из женщин что-то сказал. Я не понял: кто и что, вообще обалдел, так как они все разом поднялись, подошли ко мне и все — девушки и дамы — по очереди поцеловали: и Джута, и Магда, и Данка, и Агнешка! Такое случилось в первый раз в моей жизни и, думаю, не повторится. И, наверно, это была самая высокая награда, которую я заслужил за всю свою песенную карьеру. Бог с ним, с первым спортивным местом.

Б. Полоскин,
мастер спорта по туризму